

Энецкий шаманский костюм

Е. Д. Прокофьева

Энцы — немногочисленная группа восточных самоедов. По данным 1926 г. их числилось около 400 человек. В досоветской литературе энцы назывались хантыйскими и карасинскими самоедами. Они проживают на правом берегу Енисея, восточнее Дудинки, на берегах Енисейского залива около Гольчихи. Часть энцев выходит летом в бассейны рек Агапки, Хуры и Моховой.

Основное занятие — оленеводство, рыболовство.

Ко времени Великой Октябрьской социалистической революции энцы сохраняли остатки родо-племенной организации. Они делились на три группы: Мадду, Бай и Моггоди. Эти названия энцев встречаются в древних сказаниях: „На восточной стране за Югорской землей живут на море люди, самоеды, завомы Могонзеи“; и далее: „В той же стране в верху Оби реки великия есть земля, Баид именуемая“.¹ Эти упоминания, а также изучение топонимики районов устьев Оби и Енисея дают возможность установить прежнее расселение энцев.

Так, название территории, а в XVI в. и построенного на ней русскими казаками древнего острога Мангазеи происходит от слов *монг-каси я*, что значит 'земля группы Монгкаси' (энецкое Моггоди).

В энецких преданиях сохранились воспоминания о том, что энцы жили южнее и западнее своей современной территории (правый берег Енисея), откуда после долгих войн с ненцами и селькупами были оттеснены. Ненецкие и селькупские предания также изобилуют мотивами о сражениях с ваями (баями), т. е. энцами.

Являясь одной из групп самоедов, энцы имеют много общего с другими самоедскими группами — ненцами, иганасанами. Схожие моменты наблюдаются как в языке, материальной культуре, так и в религиозных верованиях.

¹ Д. К. Анучин. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. Тр. Моск. археолог. общ., М., 1890, стр. 230.

До нашего времени энцы сохраняли в своих религиозных верованиях ранние анимистические представления. По старым представлениям энцев, равно как и ненцев, весь мир (т. е. небо, земля) заселен различными духами, от которых якобы зависит удача в промысле, здоровье и жизнь человека. Шаманы являлись „посредниками“ между людьми и духами. В зависимости от того, с какой категорией духов „имел дело“ шаман, изменялись его функции, одежда и набор атрибутов. Существовало три категории шаманов: 1) *будтодэ*, „сносившиеся с духами-небожителями“, имевшие особый костюм, бубен и жезл; 2) *дьяно*, „защищавшие людей от злых духов“, имевшие только бубен; 3) *саводэ*, „сносившиеся с миром умерших“ и участвовавшие в похоронном обряде, не имевшие ни костюма, ни бубна, ни жезла.

Публикуемые здесь данные по энцам представляют материал для изучения религиозных верований, социальных отношений и материальной культуры.

В настоящем описании костюма энецкой шаманки мы даем всюду, где имеется возможность, сравнительный материал других самоедских групп.

Описываемый шаманский костюм был приобретен Г. Д. Вербовым в 1938 г. от женщины-шаманки Савоне.¹

Энка-шаманка Савоне принадлежала к группе Бай, кочевавшей около станка Потаповского—Игарки. Вот что рассказала Савоне о том, как она стала шаманкой.

Однажды, будучи молодой девушкой, она с подругами отправилась в лес собирать морошку. Собирая ягоды, Савоне несколько отстала от подруг. И тут на нее якобы напал Варучи (Барочи — лесной дух-урод). Она потеряла сознание. Спустя несколько дней (по ее словам — месяц) сородичи нашли ее в лесу голую. Чем она жила и питалась все это время — она не знала, ничего не помнила. Говорила, что жила у Варучи в его лесном жилище. Через некоторое время она родила (якобы от Варучи) ребенка-уродца. Ребенок родился мертвым. После родов Савоне долго мучилась, была как безумная. Лечили ее энецкие шаманы, но безуспешно. Тогда она обратилась к знаменитому в то время кетскому шаману Сессак с Курейки.² Кетский шаман Сессак и научил ее шаманить, по ее выражению „кое-чему“. Повидимому, кетский шаман был ее учителем, проводившим ее через обряд посвящения. Однако нервное тяжелое состояние не проходило, несмотря на то, что Савоне стала

¹ Костюм находится в Музее антропологии и этнографии Академии Наук СССР в Ленинграде. Коллекция № 5706. Кроме шаманского костюма, в коллекции имеются принадлежавшие Савоне шаманские предметы — изображения духов, шаманский жезл. Все предметы находятся в состоянии отличной сохранности.

² Интересно отметить, что энцы считали выше, сильнее, в сравнении со своими шаманами, шаманов кетских и селькупских и в особых случаях обращались к ним. Ненцы же наиболее сильными признавали шаманов энецких. Про лучших ненецких шаманов говорили: — Это совсем *Мандо тадебя* (это совсем энецкий шаман).

шаманить. Она не хотела быть шаманкой, думала вылечиться. Но затем примирилась со своей судьбой, приняла наследственный шаманский путь своей матери. (Мать ее также была шаманка).

Ко времени 1938 г. Савоне, принадлежавшая к категории *будто-дэ*, имела полный костюм, который и был приобретен Г. Д. Вербовым и сдан им в Музей антропологии и этнографии.

Тот факт, что Савоне имела полный шаманский костюм, позволяет судить, что она проявила себя как „сильная“, опытная шаманка.¹

Костюм состоит из следующих предметов: 1) шаманской парки (кафтана), 2) рукавиц, 3) нагрудника, 4) глазной повязки, 5) шаманской шапки, 6) пимов, 7) подстилки, 8) бубна, 9) колотушки бубна.

1. Шаманская парка (энецк. *папэ*, ненецк. *самбуру*). Условное название ее *копы* 'шкура'. Одежда сшита из летней цельной оленьей шкуры мехом внутрь.² Мездра окрашена в красный цвет. Покрой одежды — разрезной кафтан. Полы немного короче спины. Длина пол 67 см, длина спины 80 см. Вдоль переднего разреза (полы) и по подолу костюм обшит узкой полоской белого оленьего стриженного меха. Рядом с полосой меха мездра окрашена в черный цвет, полосой в 1 см ширины. Все швы одежды с наружной стороны проложены подшейным волосом оленя.³ Прилегающий к шее край одежды обшит сложенной вдвое полоской оленьей шкуры мездрой наружу, образующей низкий (1.5 см) воротник. Внутри воротника продернут ремешок, концы которого завязываются спереди, у шеи. На талии к каждой доле пришит ремешок. Эти ремешки служат завязками. К одежде прикреплен в нескольких местах пояс (энецк. *нида*), состоящий из четырех полосок. Две крайние полоски — из белого оленьего меха, две внутренние — из оленьей шкуры, мездрой наружу. Верхняя из них окрашена в черный цвет, нижняя — в розовый.⁴ К нижнему краю пояса пришита

¹ Она „лечила“ больных. Интересны „нормы“ оплаты ее „труда“. Так, Николай Гаврилович Ямкин (Насяда Ийрику) в 30-х годах, будучи больным, позвал Савоне. За один визит Савоне взяла с него одного передового быка и сняла с его плеч „последнюю малицу“.

² Иногда шьется из шкуры оленьего теленка.

³ На левом берегу Енисея и далее на запад совсем нет одежды, в которой швы с наружной стороны были бы проложены оленьим подшейным волосом. На правом берегу Енисея и далее на восток такой способ сшивания швов распространен среди ненцев, энцев и иганасан не только на шаманской одежде, но и на одежде бытовой. Эта прокладка, по словам ненцев, делается с целью утеплить шов, сделать его непроницаемым для ветра. С этой же целью у ненцев швы прокладываются сукном. Цветное сукно, к тому же, служит украшением одежды. Не есть ли проложение швов подшейным волосом оленя старинным способом, лишь впоследствии замененным сукном?

⁴ Окраску в черный цвет производили разведенной на осетровом клее (или другим рыбьим клеем) сажей. В красный цвет окрашивали жженым гнилым деревом (плавник или сухостой с серой). Дерево жгли, угли разводили в клее. Иной способ получения красной краски из красной болотной „земли“ („ржавая земля“). Ее сушили, прожигали, смешивали с клеем. Розовая краска — минеральная, „красный камень“.

ниспадающая ровдужная бахрома длиной в 80 см, окрашенная в розовый цвет и расположенная десятью пучками (в каждом по две ленточки), разделенными равными промежутками. На пояс пришиты десять небольших металлических пуговиц, а также семь ремешков с нанизанными на них кусочками песцового меха, разделенными накрученными на ремешок черными тряпицами.

На спинной стороне парки, посредине, от лопаток до подола, проходит черная полоска, верхний конец которой сведен в клин. На 7 см ниже верхнего конца полоски, прерывая ее, на парку нашит трапециевидный кусок ровдуги. На нем, при помощи вдвое сложенного ремня (ровдужного), прикреплено латунное кольцо. К этому кольцу во время камлания привязывали ремень или „вожжу“ (энецк. *маха бинэ*, ненецк. *маха ийня*), за которую помощник держал шаманку (шамана), не давая ей упасть, что якобы могло иметь для нее гибельные последствия. По прежним представлениям самоедов считалось, что уронить во время камлания бубен или упасть самому шаману нельзя, так как это плохая примета, и предвещает она якобы близкую смерть или, в крайнем случае, тяжелую болезнь шамана. Энцы говорили, что шамана нужно держать во время камлания еще и потому, что он может „совсем улететь наверх“.

Подол одежды обшит двойным рядом ровдужной бахромы, длиной около 45 см, окрашенной в красный цвет. На каждой двенадцатой ленте бахромы нанизано по пять кусочков меха песца-крестоватика. Жгуты с перемычками из песца, прикрепленные к поясу, являются якобы местом, куда слетаются духи-помощники (духи нижнего мира). Это тот же пояс, с которым камлает шаман-новичок, куда к нему слетаются духи. С этим же значением он (пояс) входит как часть в шаманскую парку. Ненецкие шаманы-мужчины имели на кафтане специальный, отдельно надеваемый пояс с подвесками и жгутами, видимо с тем же значением места сбора духов. Бахрома на одежде символизирует перья. Посредине, со спинной стороны, подол образует три клиновидных выступа (рис. 2), обшитых по краю белым оленьим мехом и окрашенных так же, как и вся одежда, в красный цвет. Длина среднего выступа 19 см, боковых — по 16 см. Края выступов также обшиты редкой ровдужной бахромой, до 10 см длиной. На самом конце пришит пучок бахромы несколько более длинной (17—20 см). Весь этот трехконечный выступ называется „птичий хвост“ (энецк. *соддакы*, *муртыта*). Такая же бахрома, как и на подоле, имеется на локтевой стороне рукавов, с тем же значением 'перья' (рис. 3). Таким образом, энецкая (как и селькупская, и, как увидим ниже, нганасанская) парка символизирует собой птицу. Те же приемы изображения птичьего образа (собственно точнее, шкуры птицы), которые мы имели в селькупском, кетском шаманском костюме, ярко выступают в шаманском костюме энцев и нганасан.

Нганасанская шаманская парка по своему покрою почти совпадает с энецкой. Различие лишь в том, что у нганасанской парки длина спины и переда почти не различаются (длина спины 76 см, полы

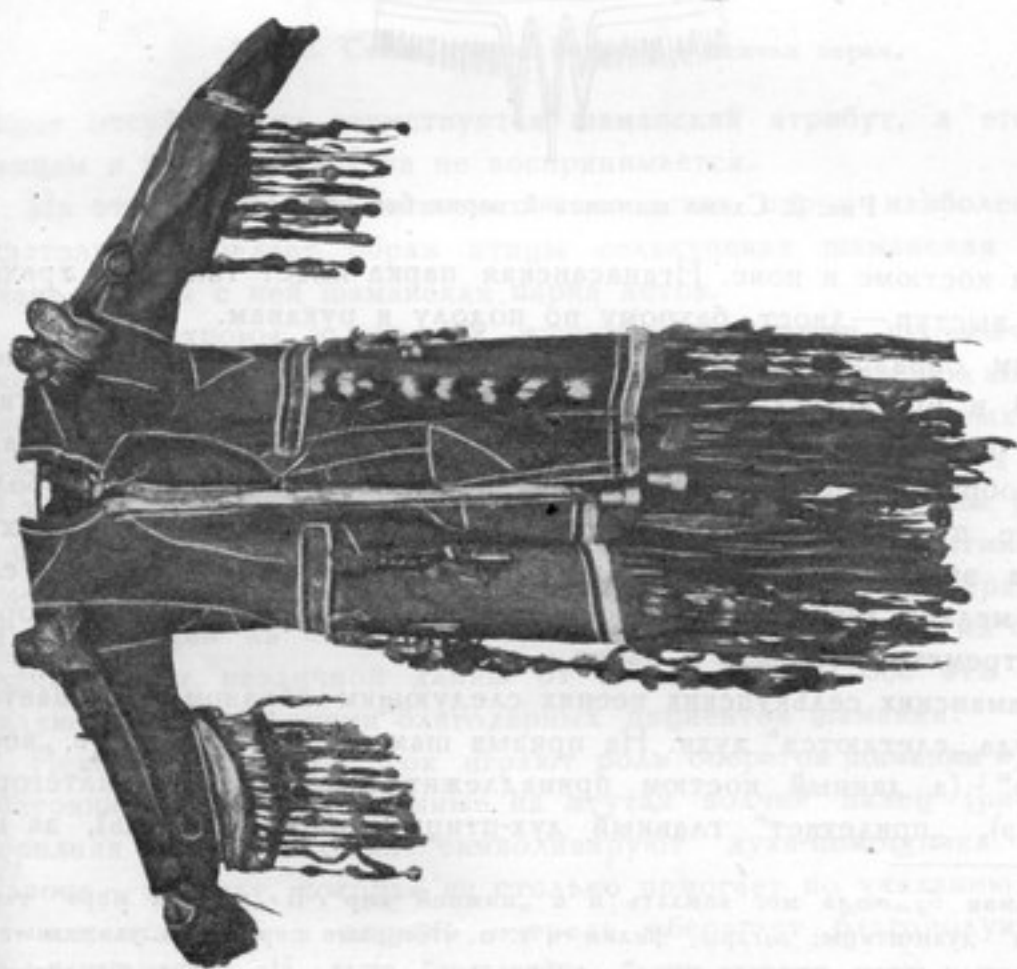

Рис. 1. Шаманский кафтан
а — вид спереди; б — вид сзади.

72 см). По подолу, по полам, рукавам — вместо сплошных черных полос на энецком костюме — на нганасанском имеем полосы орнамента из треугольников черных и красных. Основное отличие нганасанской парки — в оформлении ее подвесками. Имеющийся в нашем распоряжении в Музее антропологии и этнографии нганасанский шаманский костюм (колл. № 5657-488, собиратель А. А. Попов) значительно беднее подвесками, чем энецкий костюм Савоне. На нганасанском костюме полностью отсутствуют жгуты, имеющиеся в большом количестве на

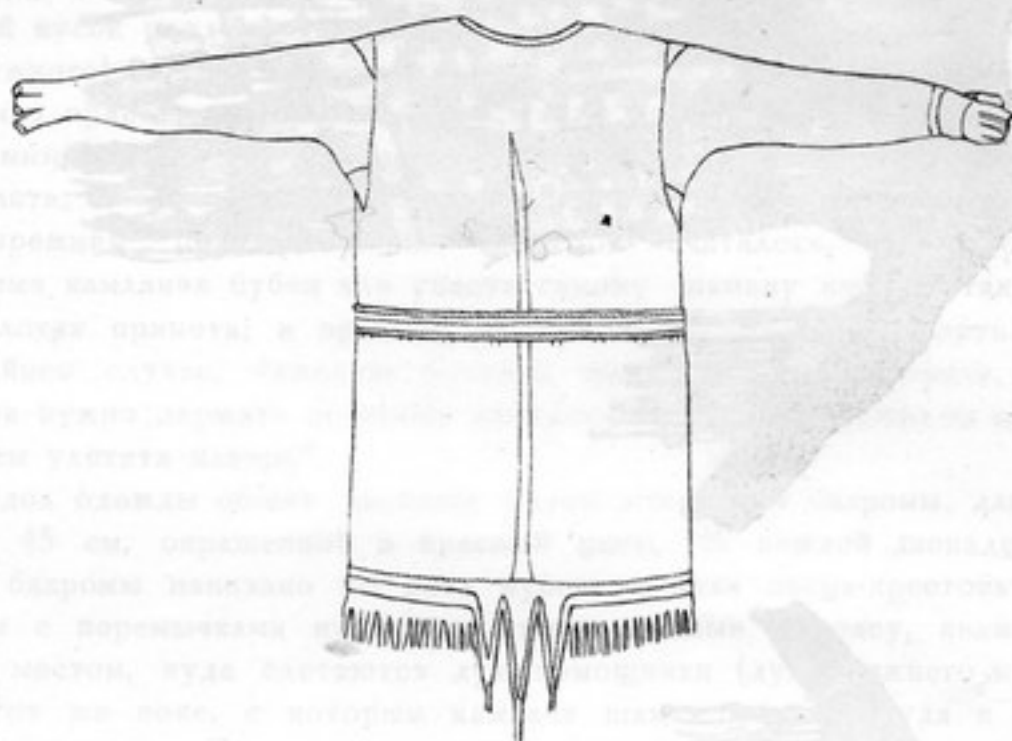

Рис. 2. Схема шаманской парки без подвесок.

энецком костюме и пояс. Нганасанская парка имеет такой же трехко-
нечный выступ — хвост, бахрому по подолу и рукавам.

Таким образом, во всех трех шаманских парках — селькупской, энецкой и нганасанской — мы находим одну идею: изобразить птицу (птичью шкуру), стремление дать возможно более близкий к реальности образ птицы (покрой парки, перья более длинные и более короткие, пучок перьев над хвостом). Даже жгуты с песцовыми перехватами на энецком костюме, на которые по представлениям энцев слетаются мелкие духи, не противоречат образу шамана-птицы, который энцы стремятся создать в парке.

В шаманских селькупских песнях следующим образом описывается, как и куда „слетаются“ духи. На призыв шамана, камлающего в „верхний мир“¹ (а данный костюм принадлежит шаманке этой категории *будтодэ*), „прилетает“ главный дух-птица — орел (журавль), за ней

¹ Шаман *будтодэ* мог камлать и в „нижний мир“. В „нижнем мире“ также „имеются“ духи-птицы: гагары, филины и т. п. Песцовые перемычки указывают на возможность и духам „нижнего мира“ „собираться“ сюда. На песце шаман „спускается“ в „нижний мир“.

летят более мелкие духи-птицы, часть которых проникает в чум по дыму от костра, а часть прячется под крыльями большой птицы, садится поверх ее крыльев, и с ней они парят над чумом. Этот образ большой птицы со слетевшимися в ее крылья и перья мелкими птицами-духами повторяется в костюме энецкого шамана, где жгуты, повидимому, являются также перьями (названия энецкого мы не знаем). Жгуты — оформление, не свойственное самоедским шаманским костюмам; можно предположить, что этот вид подвесок заимствован энцами от шаманов соседей — эвенков, которые дарили энецким и ненецким шаманам шаманские пояса со жгутами и цепями. Энецкие и ненецкие шаманы использовали эти пояса при камланиях, причем представления о ремнях и цепях, как о дорогах шамана, у ненцев и

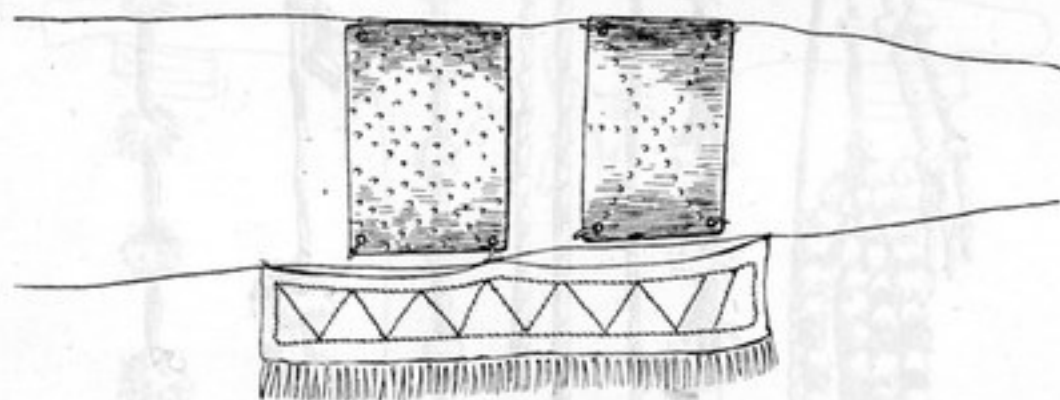

Рис. 3. Схема рукава. Бахрома — птичьи перья.

энецов отсутствуют; заимствуется шаманский атрибут, а его чуждая ненцам и энцам семантика не воспринимается.

Из этих сходных шаманских самоедских парок наиболее ярко и тщательно передает образ птицы селькупская шаманская парка,¹ и очень схожая с ней шаманская парка кетов.

Кроме бахромы и поясных жгутов с песцовыми перемычками, на спинной стороне энецкой шаманской парки имеется большое количество мягких подвесок (рис. 4) в виде: 1) жгутов из перекрученных полосок красного и черного сукон, прошитых подшейным оленьим волосом, 2) таких же, как описанные выше на поясе, ровдужных ремешков с песцовыми кусочками, оканчивающихся ровдужными лентами, суконными полосками, бубенцами, бусинами и другими мелкими украшениями, 3) комбинации из связанных суконных жгутов, жгутов из бумажной ткани и т. д. различной длины от 30 до 74 см. Все эти подвески являются приношениями благодарных пациентов шаманки.

Некоторые из подвесок играют роль оберегов шаманки и ее благосостояния. Так, подвешенные на жгутах волчий палец (рис. 4, 7) и передняя лапа волчихи символизируют духа-помощника шаманки Савоне — волчиху, которая не столько помогает по указанию шаманки ее клиентам, но в первую очередь оберегает благополучие своей

¹ Е. Д. Прокофьева. Селькупский шаманский костюм. Сб. МАЭ, XII, 1949.

хозяйки. По словам Савоне, у нее ни разу волки не задирали в стаде оленей и не пугали стадо. Это Савоне приписывает деятельности ее помощницы — волчихи.

Кроме мягких подвесок, на парке имеются железные, латунные и медные подвески, колокольцы, бубенцы, пряжки. Последние три

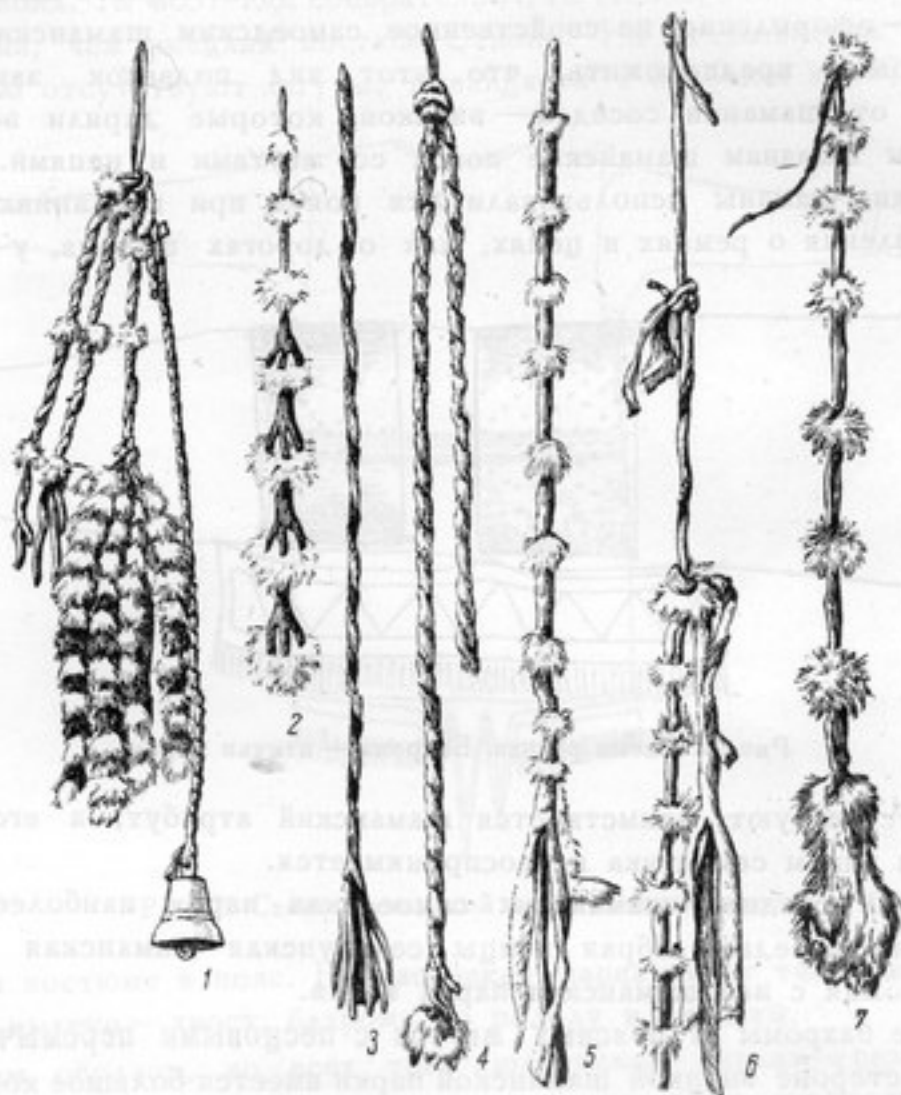

Рис. 4.

1—6 — типы жгутов на шаманском кафтане; 7 — подвеска — волчья лапа.

вида подвесок играют ту же роль, что и трещотки, отпугивавшие злых духов звоном, треском. Трубчатые подвески изготовлялись самими энцами. Бубенцы, колокольцы обычно были покупные или дареные. Бляхи и пряжки изготовляли сами и использовали археологические находки (рис. 5).

На спине парки имеются выкованные из железа изображения оленей (рис. 6). Сходные изображения шаманских оленей имеются на селькупских, долганских костюмах шаманов. На энецком костюме эти изображения оленей (рис. 7) символизируют оленей-духов, „небесных оленей“, на которых шаман „проделывал путь на небо“. На „первом“ небе „живут“ *на каза* „небесные люди“ и имеются стада „небесных

олений“, принадлежащих им. Изображение журавля (энецк. *нехуй*, ненецк. *харю*), выкованное из железа, длиной 21 см, символизирует небесного духа-птицу. Оно очень сходно с изображениями журавля у кетов и селькупов, также являющегося в представлениях шаманов этих народов светлой, небесной птицей (рис. 8). Изображение, данное на рис. 9, называется „минлей с гнездом“ (энецк. *ниуху*, ненецк. *нувию* 'божий сын'). В то же время оно называется *либбэ*, 'орел'.

Таким образом выясняется, что мифическая птица *минлей*, игравшая такую большую роль в религиозных представлениях энцев, являлась орлом. Становится ясной связь *минлея* (орла) с огнем, небом, солнцем,

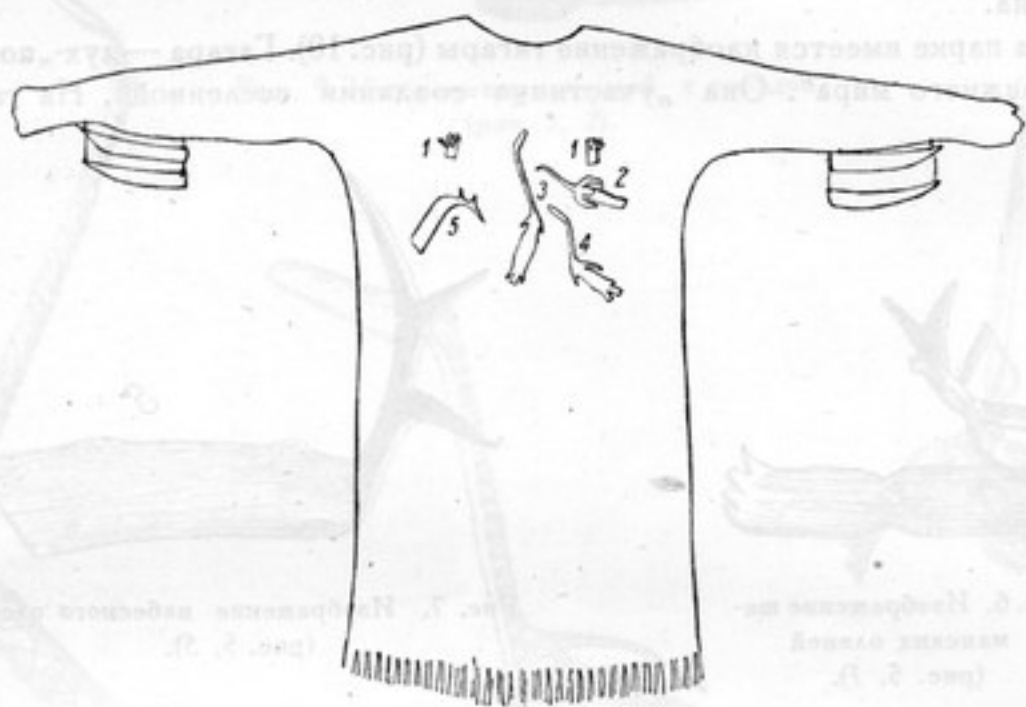

Рис. 5. Схема расположения основных подвесок на парке.

божеством. Необходимо учесть в связи с энецкими представлениями об орле аналогичные представления селькупов и кетов, в шаманстве которых (особенно кетов) орел играл исключительную роль, являясь главным помощником шамана.

Образ орла с гнездом постоянно фигурирует в селькупском фольклоре, в волшебной сказке. Герой сказки уносится орлом¹ в свое гнездо, где с ним происходит превращение из простого смертного в человека, обладающего чудесной силой (свойством) общения с миром духов и наделенного прочими необычными качествами. Но в представлении селькупов орел хотя и не был связан так тесно с верховным божеством, все же являлся сильным, светлым духом; судя по назва-

¹ У энцев орел назывался иносказательно *минлей*, и имя его *либбэ* настолько строго табуировано, что немногие ненцы и энцы связывали имя *минлей* с орлом; у селькупов орел назывался иносказательно *варк кутыль сурыл* 'большекрылая птица' или *эзэныль сурыл* 'прародитель-птица' (праптица); настоящее название *либбэ* не произносили.

нию, „прародитель“, возможно, в давние времена сам почитался божеством. У энцев же орел *минлей* назывался „сыном бога“, „повелителем ветров“, „хранителем огня“, „главным посредником между людьми и *Наа (Нум)* — небесным духом“. По сведениям Г. Д. Вербова, *минлей*, по представлениям энцев, мог принимать образ человека. На описываемом костюме видна попытка изобразить орла с несколькими крыльями, что соответствует энецким представлениям о „семикрылом *минлее*“. Энцы и ненцы делали изображение *минлея* (ненецк. *йяля пя* 'с семью зарубками') на мольбищах. Орел с гнездом, повидимому, очень сложный и древний шаманский символ, связанный с обрядом посвящения шамана.

На парке имеется изображение гагары (рис. 10). Гагара — дух-„помощник нижнего мира“. Она „участница создания вселенной“. На гагаре

Рис. 6. Изображение шаманских оленей (рис. 5, 1).

Рис. 7. Изображение небесного оленя (рис. 5, 5).

шаман „летал в нижний мир“. Называлась она иносказательно *пыйа тудут'о* 'толстоносый'.

На лицевой стороне одежды, ниже пояса, укреплены следующие подвески: надета на ремешок медная трубка неизвестного назначения, но очень схожая с употребляемыми в быту энков игольниками (рис. 11); затем железное кольцо. Здесь же прикреплен обренок толстой железной фигурно выгнутой проволоки с тремя железными колечками. Этот подвесок напоминает имеющееся у ненков (а также селькупов) в быту приспособление для наперстка, которое они носили на поясе. Возможно, трубочка-игольник и наперсток являются типично женскими подвесками шаманки, ибо женщина у самодских групп не мыслилась без своего атрибута — швейных принадлежностей; она всегда их имела при себе, ей клали их и в могилу. В фольклоре герой, похищая девушку-невесту, ничего не брал из ее одежды, имущества, но обязательно, обращаясь к ней, говорил: „Возьми свой швейный мешочек и иди за мной“.

На костюме имеется изображение выдры (энецк. *эдьюдо'о*, ненец. *ийнуней*, селькупск. *унгынды*) — также животного „нижнего мира“, духа-помощника шамана.

На левое плечо парки нашито двойное изображение мужчины и женщины, сделанное из листового железа, с железными же вклепанными глазами. Изображение человеческой фигуры из того же материала имеется и на правом плече. Подобные изображения имеются и на

Рис. 9. Изображение „минлей с гнездом“
(рис. 5, 2).

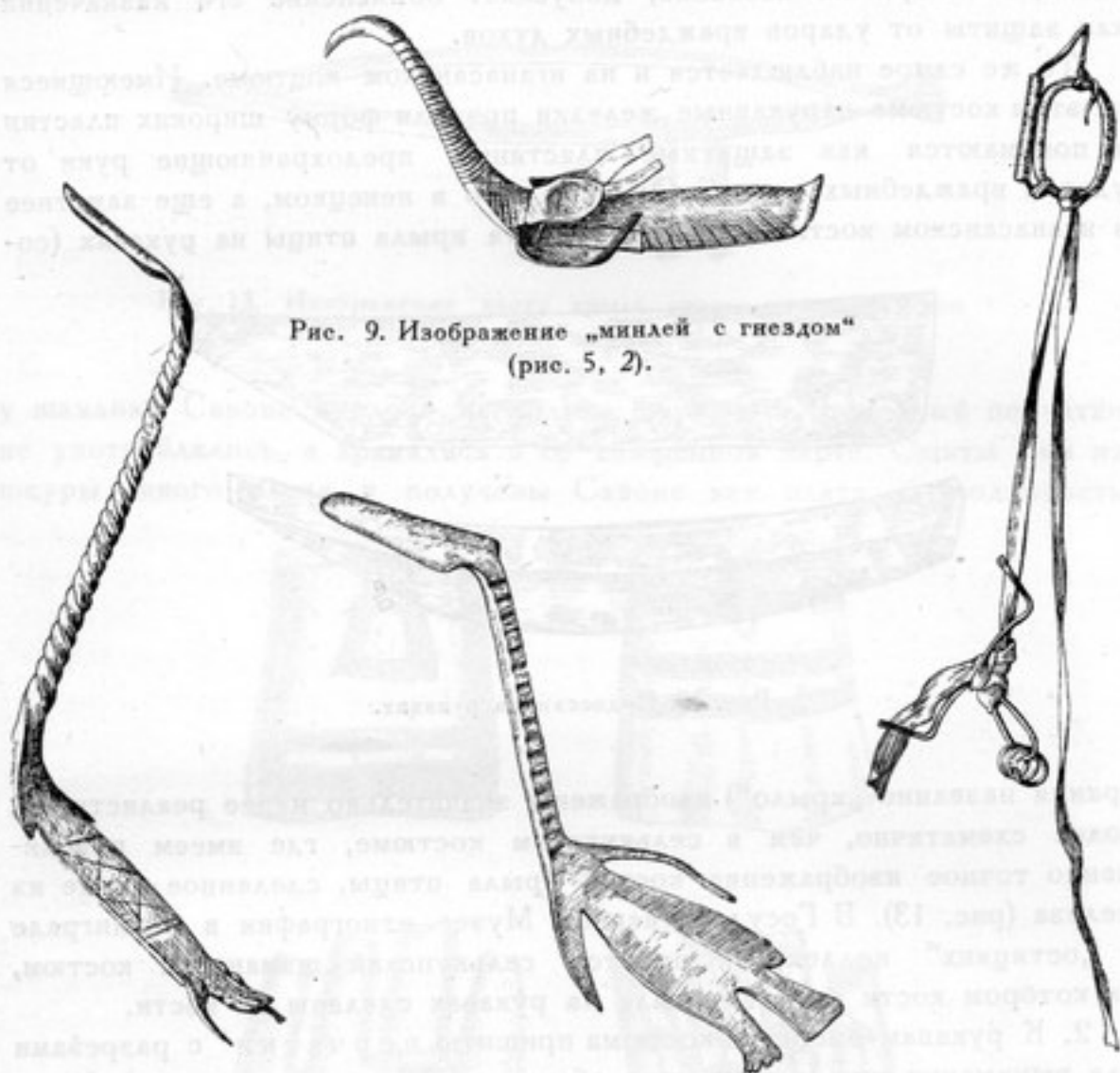

Рис. 8. Изображение журавля (рис. 5, 3).

Рис. 10. Изображение гагары
(рис. 5, 4).

Рис. 11. Подвеска
(неизвестного назначения).

иганасанском костюме шамана, на обоих плечах, но оба одноликие. Значение этих изображений не выяснено.

Рукава парки несколько уже обычного покроя. Полосы из оленьей шкурки со стриженным мехом пришиты двумя концами на правом и левом рукавах по локтевой стороне. Каждая полоса имеет длину 22 см и состоит из трех параллельно расположенных мездрю наружу сшитых вместе полос. Средняя окрашена в розовый цвет, боковые — в черный. Вокруг всей полосы — кайма из стриженного оленьего меха, шерстью наружу. К одной из длинных сторон каждой полосы пришита ровдужная, окрашенная в красный цвет, бахрома, с кусочками песцового и беличьего меха, изображающая птичьи перья, крыло (*мо*). К каждому рукаву

двумя ремешками прикреплены две железные полосы неправильной формы, каждая с семью отверстиями по одному краю, изображающие также крылья, что явствует из самого названия железок *то 'крыло'* (ненецк. *сари*) (рис. 12). Но утраченное понимание значения этой подвески, несмотря на название, допускает объяснение его назначения как защиты от ударов враждебных духов.

То же самое наблюдается и на иганасанском костюме. Имеющиеся на этом костюме нарукавные железки приняли форму широких пластин и понимаются как защитные пластинки, предохраняющие руки от ударов враждебных духов.¹ Отметим, что в ненецком, а еще заметнее в иганасанском костюмах кости скелета крыла птицы на рукавах (со-

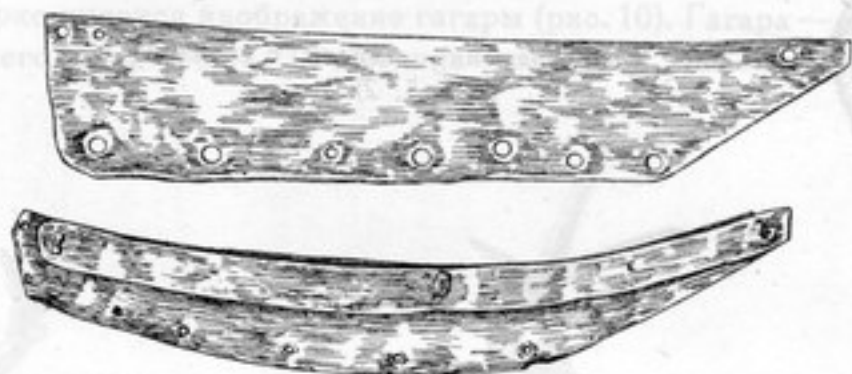

Рис. 12. Подвески на рукавах.

храня название „крыло“) изображены значительно менее реалистично, более схематично, чем в селькупском костюме, где имеем приближенно точное изображение костей крыла птицы, сделанное также из железа (рис. 13). В Государственном Музее этнографии в Ленинграде в „остяцких“ коллекциях имеется селькупский шаманский костюм, на котором кости скелета крыла на рукавах сделаны из кости.

2. К рукавам энецкого костюма пришиты перчатки² с разрезами для вынимания рук (как шьются обычные рукавицы на малице). Левая перчатка имеет три пальца, символизирует руку трехпалого мифического лесного существа-урода Варочи (Баручи). По представлениям энцев и иганасан, он имеет одну ногу и одну трехпалую руку (*Барочи уда 'рука Барочи'* или *Варучи ноба 'рукавица Варучи'*).

Правая перчатка имеет пять пальцев и называется *кайа уда 'солнечная рука'* (ненецк. *йаля ноба 'солнечная рукавица'*). Пальцы перчаток не глухие, оканчиваются отверстиями. Перчатки выкрашены и с тыльной стороны расшиты подшейным волосом оленя (*пемде*). На

¹ Возможно, что здесь нет оторванности образа от его понимания, ибо кости скелета воспринимаются именно как самое важное в теле животного, как „защита“.

² На языке энцев нет слова „перчатка“, а есть слово „рукавица“ (*ноба*), но мы в переводе не пользуемся словом „рукавица“, поскольку по покрою это перчатки, так как имеются пальцы.

нганасанском костюме имеются такие же перчатки с таким же значением каждая. Они расшиты с тыльной стороны бисером. Этот узор, по записи собирателя А. А. Попова, символизирует кровеносные сосуды руки. Подобных перчаток (помимо пришитых к костюму),

Рис. 13. Изображение кости крыла птицы на селькупском костюме шамана.

у шаманки Савоне имелось несколько штук. Эти отдельные перчатки не употреблялись, а хранились в ее священной нарте. Сшиты они из шкуры дикого оленя и получены Савоне как плата, благодарность

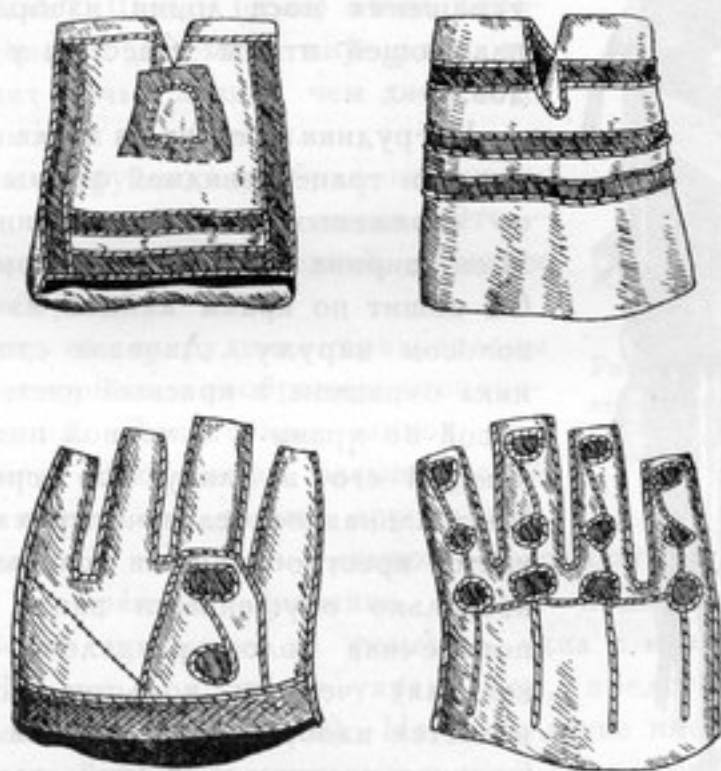

Рис. 14. Рукавицы — подарок женщин-пациенток.

от женщин-пациенток. На тыльной стороне перчаток прикреплены сделанные из меди изображения кистей правой и левой рук (рис. 14).

Значение других подвесок не выяснено. Так, не известно значение двух украшений фабричной работы, прикрепленных к правому и левому плечам одежды, не известны изображения человеческих лиц — парного и ординарного — на плечах. Это является существенным пробелом в описании энецкой парки.

3. Нагрудник энецкой шаманки (рис. 15) называется *пероси* (ненецк. *палься*). Условное название: *оддо* 'лодка'¹ (ненецк. *нано*).

Рис. 15. Шаманский нагрудник.

В то же время нагрудник символизировал собой грудную кость птицы, так называемый „киль“ (энецк. *педу'о*, ненецк. *худа*). В этом втором значении энецкий шаманский нагрудник приближается к селькупскому и кетскому. На последних названия нагрудника не указывали на связь с „птичьим“ символом (*кутынъ*), но в основном орнаменте, шитом на нагруднике, изображалась грудная кость птицы (селькупск. *лимбыртэ*). Условное название энецкого нагрудника 'лодка', вероятно, дано по ассоциации, по сходству носа лодки и грудной кости птицы, а возможны и более глубокие смысловые связи лодки с птицей, которые нам трудно учесть. Факты украшения носа лодки изображением водоплавающей птицы известны у многих народов.

Нагрудник состоит из куска белой оленьей ровдуги трапециевидной формы мехом внутрь, со стриженным волосом. Длина нагрудника 51 см, ширина 15 см (в широком месте 26 см). Он обшит по краям каймой из белого меха, волосом наружу. Лицевая сторона нагрудника окрашена в красный цвет, с черной полосой по краям и с черной полосой, пересекающей его в длину, по средней линии. Центральная полоса в четырех местах пересекается крестообразными полосами с концами, несколько опущенными вниз. Вторая снизу поперечная полоса разделена (как и вертикальная) черным кольцом. Этот рисунок является изображением скелета груди птицы (сравним рисунок, вышитый оленьим волосом на селькупском нагруднике, рис. 16). На верхних концах нагрудника имеются: слева — петля из оленьей кожи, справа — ремешок с резной, медной застёжкой. Таким образом, нагрудник надевался на шею и пристегивался.

Такая же петля и ремешок с застёжкой имеются у талии нагрудника.

¹ Ср. селькупск. *анты*, *адду*, *аддока* 'лодка' (тазовский, обский и кетский диалекты).

К нижнему его краю пришта крашенная в красный цвет ровдужная бахрама — „перья“. На нижних углах пришиты колокольчики.

На нагруднике подвески: пять серповидных пластинок длиной от 14 до 23 см (рис. 17). Две из них (железная и одна медная) имеют семь выступов, изображающих семь лиц семи „небесных людей“ (*нга каса, кихо*). Три подвески из желтой меди со штампованным орнаментом.

На середине груди, на черном круге, имеется железный диск, с приклепанной в центре медной головкой. Диск и головка украшены штампованным орнаментом. Диск символизировал пуп шаманки (энецк. *сю*, ненецк. *сундя*).¹ Ниже железного диска прикреплено тремя ремешками изображение филина (энецк. *коддео*, ненецк. *нанивуо*). Глаза и клюв изображены вдавливами-точками. Филин (сова) играет большую роль в шаманстве, являясь „помощником шамана в борьбе со злыми духами“. Филин (сова) очень хорошо видит опасность „в темном мире злых духов“, ибо видит ночью лучше, чем днем. Филин (сову) никогда не убивали.

Имеется на нагруднике изображение человеческого лица, сделанное из жести. Это — *лоза*, дух-покровитель от болезней, главным образом от сибирки.

Кроме того, на нагруднике прикреплены сделанные из желтой меди изображения топорика и лопаточки. Лопаточка — символ шаманской лопаты. Ею шаман засыпал свой след, оберегая его от „порчи“ другим шаманом (шаманкой). Топорик — символ того оружия, которым шаман боролся с врагами. Значение других подвесок не выяснено (медные трубочки, продетые на ремешке, одна с кольцом на свободном конце, другая с круглым украшением, представляющим собой круг с восьмиконечной звездой). На нагруднике имеется ровдужный футляр для наперстка со вложенным в него железным наперстком.

4. Повязка для глаз (энецк. *сейде* 'ее глаза', ненецк. *севдя*) представляет собой удлиненный овал, с почти острыми углами, сшитый из оленьей шкуры, мездрой наружу (рис. 18). Повязка окрашена в красный цвет и обведена черной полоской. Наружный край обведен полоской из белого оленьего меха. Посредине красного поля два полустертых черных пятна изображают глаза. К обоим концам

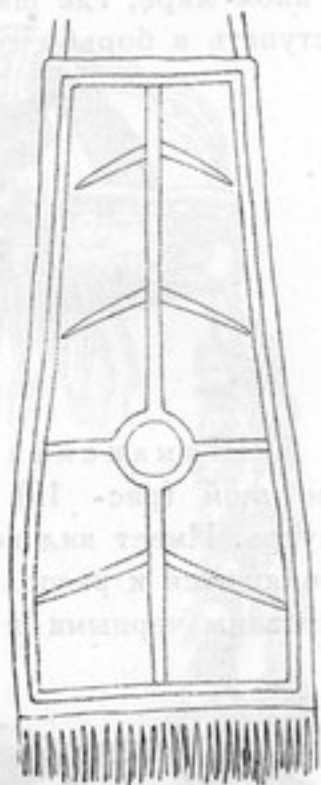

Рис. 16. Изображение скелета груди птицы, вышитое на шаманском нагруднике.

¹ По древним представлениям энецов, в пупе человека есть особая косточка, которая к старости легко ломается. Если у человека эта косточка сломалась — человеку не миновать смерти.

повязки пришиты ремешки из оленьей кожи. Длина повязки 26,5 см, ширина 9 см. При камлании повязку на глаза не подвязывали, а привязывали за один из ремешков к парке. Эти „ее глаза“ символизировали собой (так же как и повязка-лоскут, надевавшаяся на лицо умершему) „глаза души“ шаманки, видящей иной, невидимый смертным, мир духов (как и глаза души умершего). Эти глаза „видят дороги в ином мире, где шаману часто приходится спасать украденные души, вступать в борьбу со злыми духами *эмуке*, а то и самим *Тодоте*“.

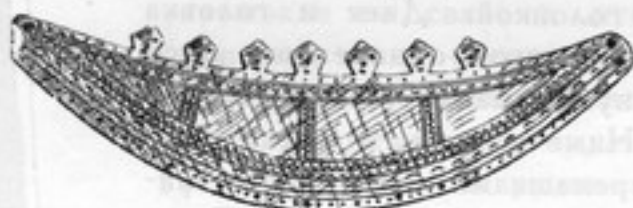

Рис. 17. Подвески на нагруднике.

5. Шаманская шапка (энецк. *тотадо*) имела условное название *тай* (рис. 19). Сшита из оленьей шкуры, мехом (стриженным) внутрь. Имеет вид венца, состоящего из околыша и четырех полос, сходящихся к расположенному над ремнем кружку. Полосы орнаментированы черными и красными линиями и треугольниками. Орнамент

Рис. 18. Повязка для глаз.

обшит швом, в котором проложен подшейный волос оленя. На околыше, с боков, под пришитыми медными пуговицами (энецк. *кобесе* 'ушное железо') прикреплены к ремненным петлям две пары „сережек“. Сережки состоят из кусочков собачьего и песцового мехов, нанизанных на ремешки. К передней части околыша прикреплено тремя ремешками украшение из красной меди и латуни, состоящее из орнаментированной, дугобразно изогнутой пластинки с девятью выступами — „лицами“ (энецк. *кэхо абури*). Они изображают духов-помощников шамана (аналогичных селькупским изображениям духов-помощников на ровдужной шапке), разведчиков, „небесных людей, смотрящих вместо шамана вперед“.¹

В центре околыша прикреплена Г-образная латунная пластинка, изображающая „передний отросток оленьего рога“ (энецк. *пуэлю*,

¹ У селькупов они так и назывались „вперед смотрящие небесные люди“.

ненецк. *пуйади*). Этот рог на энецких шаманских шапках соответствует „шаманской сабле“ (селькупск. *сомпыль кита*) на селькупских шаманских шапках (железных). Назначение энецкого рога и селькупской сабли одно и то же — это оружие для борьбы с враждебными шаманами, оружие для прорезывания туч в небе. Под железной пластиной, по нижнему краю околыша, над глазами, пришита ровдужная бахрома (энецк. *сей теру'а*), закрывающая глаза шамана. У ненецких шаманов эта „закрывающая глаза“ бахрома заменялась лоскутом материи, шаманской маской (рис. 20, 21, 22). Назначение ее — символизировать незрячесть и незримость шамана в отношении предметов и явлений внешнего мира, его обособленность, а также создать представление о его телесном отсутствии в реальном мире. Это же представление создавалось в селькупском шаманстве отсутствием огня при камлании (полной темнотой) или закрыванием глаз. Эти закрывающие глаза повязки исследователи объясняют как условия, способствующие сосредоточенности шамана.

Завешивание лица бахромой, повязками, закрывание глаз, темнота в чуме несут в себе желание создать представление о внешней слепоте, незрячести и незримости, присущих существам иного мира, не видимым смертными, не видящим смертных, какими во время камлания якобы становятся шаманы. Что шаман становился якобы существом иного порядка, чем смертные, об этом говорят все шаманские представления самоедов (и других народов). Например, шамана нельзя было трогать во время камлания. Всякий, нарушивший запрет, заболевает, а может быть и умрет. Почему? Не потому, что шаман „нечист“, а потому, что он — существо иного мира в этот момент.

Хантыйский, мансийский, селькупский шаманы, так же как и все духи, „боятся“ металла. Шаман при камлании садился на ящик, из которого должны быть обязательно изъяты все металлические предметы, будь то хоть иголка. Наличие металлических подвесок на костюмах шаманов не противоречит сказанному, так как металлические подвески на шаманских костюмах — явление сравнительно более позд-

Рис. 19. Шаманская шапка.

нее, наслонившееся на древние шаманские представления, каким является „страх“ перед металлом, и не вполне вытеснившее их. Подтверждение этому предположению мы усматриваем в одновременном существовании в селькупском, энецком костюмах шаманов изображений духов-помощников (одних и тех же), вышитых, нарисованных краской, и изображений тех же „помощников“, сделанных из железа, меди; в существовании у селькупов отмирающего первого костюма шамана из ровдуги с нанесенными краской изображениями духов-помощников, не имеющего ни одной металлической подвески. Наконец, в период обучения начинающие шаманы имели шаманские атрибуты без железных подвесок. В данной статье мы не беремся дать исчерпывающих подтверждений вышеизложенному, вопрос требует тщательного исследования. Но

Рис. 20. Ненецкая шаманская маска.

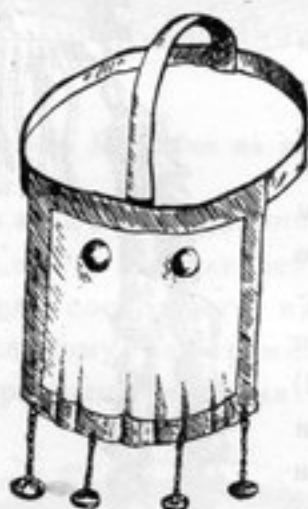

Рис. 21. Ненецкая шаманская маска.

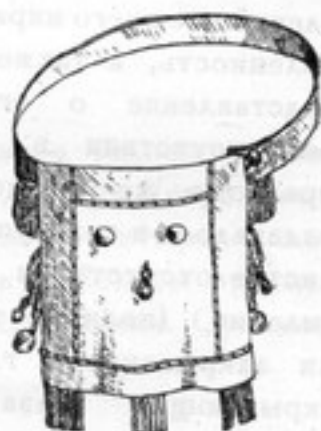

Рис. 22. Ненецкая шаманская маска.

одно ясно: изучение шаманских костюмов, оформления их изображениями духов-помощников дает нам богатый материал по стадиям развития религиозных шаманских представлений. Шаманские костюмы являются живой, осязаемой книгой, по которой должно суметь прочесть историю развития шаманства.

6. Шаманские сапоги (энецк. *пймы*, ненецк. *пйвы*) сшиты из оленьей шкуры мехом внутрь (рис. 23). Шерсть коротко острижена. Подошва также из стриженной оленьей шерсти. В верхней части каждого голенища, к передней стороне, пришиты тонкие ремешки для подвязывания пимов к поясу. В средней части к каждому голенищу пришито с боков по два ремешка для затягивания под коленом.

Правый сапог называется *кайа фе* 'сапог солнца'. Спереди и с боков нанесены черной краской прямые, вертикальные полосы. На уровне колена средняя полоса переходит в круг. Весь рисунок на сапоге обшит с краев подшейным волосом оленя. Рисунок изображает кости ноги. На уровне колена прикреплены к голенищу две металлические пластинки в форме кружков. Эти пластинки изображают кости колена, коленную чашечку. Ниже колена, посредине голенища укреплена

выпуклая пластинка из железа, длиной 27 см, имеющая в нижней части расширение, вырезанное в виде оленьего копыта. Вся пластинка изображает оленью ногу с копытом. Пластинка орнаментирована и имеет насечку из красной меди и латуни. Орнамент (рис. 25), расположенный в средней плоскости, символизирует костный мозг ноги (энецк. *хэво*).

Левый сапог называется *Варучи фе* (*Барочи фе*) — 'сапог лесного духа-уро-да'. В средней части голенища нанесена черной краской вертикальная полоска шириной 1 см, начинающаяся у колена черным кружком. Рисунок также обшит подшейным волосом оленя. На уровне колена укреплены одна под другой три металлические пластинки, изображающие, повидимому, кости колена. Разделение правой и левой руки, правой и левой ноги, разница фигур на правом и левом плече указывают на разделение костюма (а следовательно, образа) шамана на светлый, "солнечный" и темный *барочи* 'урод'. Подобное деление усматривается и в селькупском шаманском костюме и в религиозных представлениях селькупов. Но там деление происходит в другом плане. Верхняя часть костюма до пояса светлая, нижняя — темная. На верхней части — изображения "духов светлого мира" и оформление костюма оленьим мехом, на нижней части (ниже пояса) — изображения "духов темного мира" и оформление (например пимов) медвежьим мехом. То же имеем и на бубнах. Верхняя часть — "небесный мир", нижняя — "вход в темный мир". Отсюда понятны образы мифических существ (у селькупов), охраняющих жилище "жизненной старухи" (*ылында кота*). Это два полуободранных медведя. Ободраны они до пояса, т. е. иными словами — два полумедведя. Вспоминается представление селькупов о том, что медведь был когда-то человеком, что человек и ныне живет в медведе. Следовательно, тут мы имеем образ получеловека-полумедведя.

Придавая важное значение точному определению разных половин тела, селькупский язык выработал два термина для понятия "половина": продольная и поперечная. Так, продольная половина (часть) — *целак* и поперечная — *кэшь* (*ты*). Возникновение такого деления,

Рис. 23. Шаманские пимы.

возможно, проистекало из своеобразного представления о физиологических функциях, присущих верхней и нижней частям тела. Голова,

Рис. 24. Подстилка из рыб-тайменей.

глаза, сердце, легкие — наиболее важные и „чистые“ органы, верхняя часть тела. Органы выделения, половые органы — „нечистые“, в нижней части тела.

Деление на правую и левую стороны намечено в селькупском костюме слабо. Так, нагрудник и бубен имеют справа изображение солнца, слева — луны. Во внутренней стороне бубна, на правой стороне, иногда наносятся рисунки, изображающие оленей; слева — рисунки, изображающие медведя. Таким образом, бубен, как и энецкий шаманский костюм, тоже разделяется на правую — солнечную, светлую сторону и на левую — темную (медведь — животное „нижнего мира“).

Рис. 25.
Изображе-
ние мозга
берцовой
кости ноги.

7. К имеющемуся в Музее антропологии и этнографии шаманскому энецкому костюму принадлежит также подстилка (энецк. *на-ро'о*, ненецк. *нар'о*; рис. 24). Подстилка служила шаману для сидения во время камлания. Состоит она из семи деревянных фигур рыб тайменей (энецк. *тэйи* ненецк. *нянхей*). Рыбы вырезаны из ели (или березы), каждая длиной в 62 см. Посередине каждой рыбы просверлено отверстие. Через отверстия пропущены ремни, закрепленные на концах узлами. Ширина такой подстилки (с ремнями)

Рис. 26.
Изображе-
ние рыбы-
таймени.

47.5 см. При камлании головы рыб обращены всегда к огню. Подобные рыбы, сделанные из дерева, изображающие также обычно таймень, употреблялись шаманом при лечении больных (рис. 26). При камлании, с целью лечения, шаман касался такой рыбой больного и слегка ударял его. Изображение рыбы как духа-помощника в шаманском обиходе явление редкое.

* * *

Всю вышеописанную одежду и атрибуты шаману-мужчине (энцы) шила жена, по его указаниям. Был ли обставлен процесс шитья какими-либо обрядами — неизвестно. Известно лишь, что оленя для одежды убивал сам шаман. Женщина, изготавливавшая одежду, должна была быть в периоде относительно „чистом“. Сшив одежду, жена шамана обычно прятала ее недалеко от чума. Шаман должен был ее найти. Пока искал, очень „мучался“. Если шаман, получавший одежду впервые, ее не находил, значит он не мог быть, вообще, шаманом. Для шаманки-женщины одежду шила другая женщина, по ее указанию. Женскую шаманскую одежду не прятали.

У энцев шаманы и шаманки не только не шили себе одежду (шаманскую), но никогда не делали сами изображения духов (сядей), бубен и всего прочего, что относилось к шаманскому ритуалу. Всегда делали это другие, по указанию шамана. Изображения духов и деревянные части бубна, раскраску бубна, выковку металлических подвесок делали всегда мужчины. Натягивание

Рис. 27. Бубен.

шкуры на бубен, обшивку — женщины. У ненцев (по сведениям Г. Д. Вербова) молодой шаман, если умел, делал себе бубен сам. По сведениям Г. Н. Прокофьева, ненецкие шаманы в Большеземельской тундре и на Ямале всегда делали себе бубны сами. Оленя, из кожи которого делали бубен, приносили в жертву тому главному божеству, какой категории принадлежал шаман. Шаман *выдутана* (ненецк.; энецк. *будтодэ*) приносил жертву верховному божеству *Нум'у*, шаманы *дьяно* и *самбана* (энецк. *саводэ*) приносили жертву злему божеству. Если молодой ненецкий шаман не умел сделать для себя бубен, то его ему изготавливал другой шаман.

После изготовления новая шаманская одежда окуривалась. О существовании церемонии „оживления“ частей шаманского костюма и бубна у ненцев и энцев сведений нет.

* * *

8. Необходимой принадлежностью шаманов всех категорий являлся бубен (энецк. *педди*, ненецк. *пензер*, *пендер*) (рис. 27). Бубен редко называли этим термином. Для бубна, как и для наиболее почитаемых

животных, имелся целый ряд подставных имен, которые и употреблялись в быту.¹ Для бубна имеются следующие названия: 1) *харв нын* (ненецк.), *камо иддо* (энецк.) 'лиственничный лук'; 2) *Нув'нын* (ненецк.), *на иддо* (энецк.) 'небесный лук'; 3) *минутя пя* (ненецк.) 'выгнутое дерево'; 4) *харв пуд тайома'ав* 'лиственничный покрытый обруч', и т. д.

В подставных терминах для бубна часто упоминается лук. Между тем семантика бубна не совпадает с этой терминологией.

Форма бубна круглая. Обод его делался обычно из лиственницы, что и нашло отражение в подставных именах: лиственничный лук, лиственничный обтянутый обруч. Бубен шаманки Савоне обтянут (потому что он предназначался шаманке-женщине) шкурой дикой оленьей самки. Мужские бубны энцев обтягивались шкурой дикого оленя-хора. Для обтяжки бубна брали переднюю часть спины шкуры оленя, без шеи (ненецк. *пирбя*). Приготавливали шкуру следующим образом. Сначала смачивали ее в воде, сворачивали в трубку и держали так некоторое время на солнце. Волос легко выпадал. Затем, выскоблив начисто, выкраивали нужный кусок. В центр выкроенного куска завязывали монету или круглую бляшку. После обтяжки бубна завязанную монету (бляшку) вынимали. Оставалась слабина, необходимая для того, чтобы при нагревании бубен не лопнул. Затем бубен сушили на солнце и окончательно досушивали на очаговых жердях (*ти*).

У энцев бубен обтягивали не обязательно шкурой дикого оленя. Иногда пользовались и шкурой домашнего хора или важенки, но никогда не брали шкуру старого оленя или быка (т. е. кастрированного самца), причем, олень для бубна мог быть пожертвован пациентом или взят самим шаманом из своего стада.

На ободе укрепляли деревянные выступы (ненецк. *хэнор'-нытор'*, энецк. *дьерва-дерви* 'натягивающий тетиву'), позволяющие лучше натянуть кожу. Только у шаманов категории *выдутана* (ненцы), *будтодэ* (энцы) вместо деревянных *дьерва* (*хеиннтор'*) укрепляли медвежьи зубы. На бубне Савоне восемь выступов. Вообще число их не ограничено, не определено. Наружные края бубна, между выступами, назывались по-энецки образно: *деди* (ненецк. *йен*) 'тетива'. Загнутый внутрь край оттяжки прорезан множеством небольших отверстий,

¹ Для медведя существовало несколько подставных имен, причем, бурый медведь считался более священным, чем белый. Подставные имена рекомендовалось употреблять дома, в чуме, и совершенно обязательно на охоте и особенно при встрече с медведем. Имена имелись следующие: 1) *нэдарай* 'лесной' (хозяин); 2) *панэка паридя* 'черноодежный'; 3) *хэбыдя* 'священный'. Для белого медведя: 1) *сэр'хэбыдя* 'белый священный'; 2) *йявы*, *сэр'йявы*. Общий термин для медведя: *варк*.

Имелись подставные имена и для волка, употреблявшиеся в тех же случаях; общий термин, не употребляемый: *сармик*. Подставные имена: 1) *пихиня йядертя*; 2) *нылека* 'злой дух'; 3) *тэва йямб* 'длинноногий'; 4) *вэсако* 'старик'; 5) *йик нянота*; 6) *буро* (шуточное, вроде собачьей клички); 7) *тым ханонда* 'оленеубивающий', и т. д. Подставные имена имелись для пса и ластоногих, кроме нерпы.

через которые протянута тонкая веревка, скрученная из оленьих сухожилий. У самой кромки обода оттяжка укреплена к ободу толстой, двойной ниткой, прошивающей обод насквозь. Внутри бубна укреплена крестовина (энецк. *нейчинда*), состоящая из четырех кусков железной проволоки, периферийные концы которой при помощи ремешков прикреплены к ободу. В каждом из четырех образуемых крестовиной секторов к ободу прикреплены фигурные петли (в бубне Савоне одна утеряна) с подвесками. Крестовина служит рукоятью для держания бубна. Значение фигурных петель таково: две из них символизируют бедренные кости оленя (энецк. *сиоде*, ненецк. *сюди*) и две другие — лажки дикого оленя-хора (энецк. *модюны*, ненецк. *монзан*). Кожа бубна внутри и снаружи разрисована красной и черной красками. Изображения очень стерты. Изображены: большой круг (энецк. *дья боко*, ненецк. *йявар* 'край земли'), выступы (энецк. *дья маха*, ненецк. *йя маха* 'хребты', 'спина земли'), солнце (энецк. *кайо*) и луна (энецк. *йирио*). Имеются изображения *на кас* 'небесных людей'.

Ширина бубна 32 см, длина 41 см, высота обода 7 см. Ненецкие бубны, имея несколько более круглую форму, отличались от энецких, главным образом, устройством внутренней части. Вместо крестовины ненецкие бубны имели деревянную рукоять — поперечину, раздваивающуюся в верхнем конце (ненецк. *няморц*'), изготовляемую из любого дерева. К верхним рогам развилки подвешивались колокольцы.

Первый бубен давали шаману через 7 лет после первой ночи учения (посвящения). От бубнов старых шаманов он отличался отсутствием железных подвесок, колокольцев. Спустя несколько лет после вручения первого бубна, старый шаман-учитель пробовал бубен своего ученика и обычно велел ему заказать новый бубен, уже с подвесками. После 10 лет камлания с этим бубном (или возобновляемым по указанию учителя), достигнув звания „умный, выучившийся“, шаман получал право самостоятельно заказывать себе бубен, без указаний учителя.

Если шаман умирал, то бубен его оставался в семье и мог быть употреблен, например, его младшим сыном.

Иногда бубен после смерти шамана клали на священное место, предварительно продырявив его. Иногда клали на священное место только проткнутую кожу с бубна, а обод хранили в священной нарте и делали из него новый бубен, для появившегося в семье нового шамана, получившего шаманский дар в наследство от умершего. Энецкие шаманы категории *будтодэ* имели часто два бубна: один — для камлания в „верхний мир“, другой — для камлания в „нижний мир“. Первый бубен назывался *нано педди* 'небесный бубен', второй — *дьяно педди* 'земли бубен'. Последний являлся обязательной принадлежностью шамана категории *дьяно*, камлавшего в „мир нижний“. Шаманы категорий *дьяно* и *саводэ*, естественно, никогда не имели *нано педди*.

Шаманы *будтодэ* при лечении больных сначала употребляли *дьяно педди*, так как болезнь человека „зависит“ от *Тодоте* или *амукэ*, „пребывающих в нижнем мире и идущих только на призыв *дьяно педди*“. И лишь когда больной начинал выздоравливать, т. е. когда „дурное влияние *Тодоте* было сломлено, прекращалось“, *будтодэ* брал *нано педди* 'небесный бубен' и камлал в „верхний мир“ и „небесному божеству“, которого просил „небесным ветром сдуть с выздоравливающего нечистое дыхание этого духа“. Таким образом, шаманы категории *будтодэ* могли выполнять „работу“ шаманов *дьяно*.

Некоторые ненцы — не шаманы — имели у себя в священной нарте бубны для посещения шаманов категории *будтодэ*, но сами не камлали.

Кроме шаманских бубнов, ненцы и энцы изготовляли так называемые *кэхо педди* (энецк.), *хэхэ пензер* (ненецк.). Это, собственно, символы бубнов „небесных“ шаманов, представителями которых являются „земные“ шаманы. Размером эти бубны были меньше обычных, сделаны небрежно. Их никогда не употребляли для камлания. Хранили их в священной нарте.

Из изложенного следует, что семантика энецкого шаманского бубна отлична от семантики селькупского бубна. Сложный семантический комплекс селькупского бубна содержал в себе, в основном, представление о бубне, как о живом олене (оживляемом длительным обрядом). В энецком бубне представление о бубне-олене (по имеющимся в нашем распоряжении сведениям) выражено очень слабо. В названии бубна в целом (лук), в названиях частей бубна (тетива и т. д.) сохранились следы употребления лука как атрибута шамана. Это связывается с предположениями, высказанными Л. П. Потаповым о том, что первичным (до бубна) шаманским „инструментом“ при камлании был лук.

Более ярко выступает в энецком шаманстве представление о бубне как символе вселенной. Названия частей бубна (рисунка): „край земли“, „хребты“, „спина земли“, присутствие на бубне „солнца“ и „луны“ и даже „населяющих небо небесных людей“ — говорят об этом. Повидимому, это представление о бубне — символе вселенной присуще не только шаманству селькупов и кетов, но, как видим, и восточным самоедским группам (судя по имеющейся терминологии, и ненцам), а также алтайцам. Употребление бубна во время камлания ненцами и энцами мало отличалось от употребления бубна у селькупов. Начиная камлать, помощник шамана (ненецк. *тельтана*) грел бубен, клал его на поперечные очаговые жерди *ти*. Затем, по знаку шамана, садился слева на него. Шаман во время камлания сидел за *симзы*,¹ на месте, называемом по-энецки *си*, лицом к огню. За спиной шамана никто не садился. Шаман сидел на подстилке. Одежду он надевал на себя в то время, пока помощник грел бубен. Помощник, попробо-

¹ Главный шест в чуме, на котором подвешены поперечные жерди с крюками, где обычно вешали котел, чайник.

вав, хорошо ли звучит бубен, подавал его шаману. Шаман брал бубен левой рукой, правой наносил по бубну первые редкие удары, призывные. Начиналась первая часть камлания — „призыв духов“. Заслышав якобы зов хозяина, духи-помощники съезжались, слетались, сходились к нему, садились на пояс одежды, в бубен (внутреннюю сторону), оставались над чумом. При приходе будто бы каждого главного духа шаман делал сильный удар в бубен и объявлял: „Друг (мой) пришел“.

В то время, когда шаман брал в руки какой-либо другой шаманский атрибут (например изображение рыбы, жезл и т. д.)¹ или проделывал какие-либо шаманские „чудеса“, бубен переходил в руки помощника, который бил в него. По окончании камлания бубен заворачивали в кусок ткани и клали в священную нарту, где хранили до случая.

У ненцев и энцев камлание происходило всегда с огнем. Шаманства в „темном чуме“ (без огня), подобно селькупскому, энцы и ненцы не знали.

9. Колотушку бубна (энецк. *пето'о*, ненецк. *пентабу*) делали обычно из березы (рис. 28). Слегка изгибали. На рукоятке вырезывали изображение головы, с надрезами, изображающими глаза и рот. Это — *куа каза* 'березовый человек', дух колотушки. На узкой рукоятке делали семь поперечных зарубок, символизирующих дыхательные горла *куа-каса* (энецк. *куида*, ненецк. *хунуда*). Тыльную сторону колотушки окрашивали в красный цвет и расписывали черными узкими полосками, символизирующими ветки березы (энецк. *куалю*, ненецк. *хомо*). К выпуклой стороне колотушки приклеивали полоски шкуры со лба дикого оленя-самца. Длина колотушки 27 см, ширина 7.5 см. У ненцев колотушка изготовлялась так же, как и бубен, из лиственницы. Обтягивалась она шкурой со лба оленя-теленка.

Голову „хозяина“ колотушки перед камланием мазали жиром — „кормили“.

* * *

К шаманскому хозяйству Савоне относился и специальный мешок, куда она обычно складывала и где хранила свои шаманские атрибуты (рис. 29). Сшит он из оленьего камуса светлой окраски. Верхний

Рис. 28. Колотушка бубна.

¹ Иногда шаманы (в частности энецкая шаманка Савоне) употребляли так называемую *лобиче*. Это две-три тряпицы, сшитые вместе на одном конце пучком. Обычно их привозили со „священного места“, отрывали от одежды *хэхэ сядея*. У Савоне *лобиче* была привезена из района *Каха маха*. Этими тряпицами шаман махал над больным, „создавая святой ветер, сдувающий с больного нечисть“.

край мешка обшит ровдужной полоской, шириной 5.5 см. Завязывается двумя парами ремешков.

Кроме описанных выше предметов, относящихся к костюму Савоне, в коллекции Г. Д. Вербова имеются шаманские предметы, непосредственно не относящиеся к костюму, но принадлежавшие той же шаманке Савоне, перешедшие к ней по наследству от матери-шаманки „вместе с шаманским даром“. Эти предметы употреблялись Савоне во время камлания. К ним относится кусок снятой шкурки горностая, который служил шаманке для отпугивания духов болезни.

По наследству от матери получила Савоне и изображение, называемое по-энецки *сэду* или *туйатома* (рис. 30). Хранилось оно не в священной нарте, а в чуме. Это — двуголовое изображение *ту нися* и *ту небя* (ненецк.) 'огня отец' и 'огня мать'. Подобные изображения имеются и у ненцев. Мать Савоне сделала это изображение для своего чума очень давно, в год, когда среди энцев свирепствовала эпидемия оспы. Многие энцы умирали, в том числе и родичи матери Са-

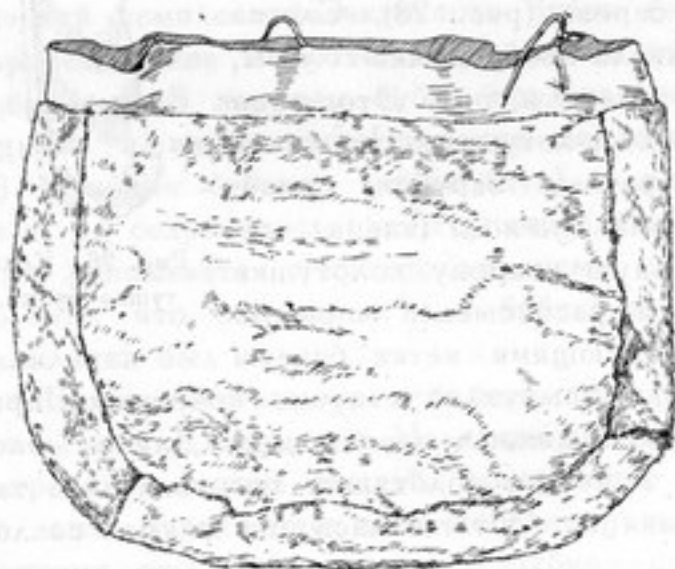

Рис. 29. Мешок для шаманских принадлежностей.

Рис. 30. Изображение „отца“ и „матери“ огня.

воне, жившие в ее чуме. И для того, чтобы „в чуме огонь не угас“, т. е. чтобы смерть не скосила всех поголовно, чтобы кто-либо остался „поддерживающий огонь“, мать Савоне воззвала к помощи духов-покровителей чумового огня: „отца“ и „матери“ огня. Изображение это она хранила всю жизнь, а затем оно перешло к Савоне.

Имелось у Савоне сделанное из металла изображение журавля (ненецк. *хохорей*, энецк. *дьядьу*), „небесной птицы“, покровителя матери-шаманки.

По замечанию Вербова, эти предметы не были ему проданы вместе с костюмом. Возможно, по тем же мотивам, по которым селькупский

шаман хранит наследственные подвески на бубне и парке. Ибо, по шаманским представлениям, продав или отдав их, он теряет не часть одежды, украшение, а самих духов-покровителей, полученных им от отца, матери, деда.

Мужские энецкие шаманские костюмы (по сведениям Вербова) не отличались от женских шаманских костюмов ни покроем, ни основными подвесками. Как общее правило, для шаманских самоедских костюмов число подвесок (и на бубнах) неопределенно. Каждый (имеющий право на подвески) шаман имел свое индивидуальное количество подвесок. Изображения главных „помощников“ шаманов — гагары, журавля, орла, выдры, оленя — однотипны, и варианты не допускались. На мужских костюмах часто бывала подвеска *ганно оддо* „небесный лук“ (ненецк. *нуv'нын*) (рис. 31).

У шаманов высшей категории имелся шаманский посох (жезл; рис. 32). Его выковывали из железа; в верхней части рукоятка изображала лицо „хозяина“ посоха. Нижний конец обычно оформлялся в виде копыта оленя. Посох употреблялся шаманами при лечении больных и для „проводов души умершего в загробный мир“, т. е. во всех тех случаях, когда шаману предстояла „дорога в нижний мир“, особенно когда предстояло „перейти ледяную дорогу, отделяющую видимый мир от нижнего, невидимого мира“. Там „холодно, и шаман шел пригнувшись, закрывая лицо рукояткой посоха так, чтобы холодный ветер попадал в лицо духа-хозяина посоха“. Возможно, что это объяснение более позднее. Возможно, здесь лежит в основе желание „обмануть духов, заселяющих нижний мир“, которые „могли не

пустить живого шамана в свой мир, напасть на него“. Ибо „не надлежит живым безнаказанно проникать в мир духов“. Этот мотив очень часто встречается в фольклоре. „Попадающий в иной мир“ герой самоед (ненец, селькуп), живой человек, обманывает „духов — жителей иного мира“, про-

Рис. 31. Подвеска на шаманской парке — „небесный лук“.

Рис. 32. Шаманский посох.

являя знания магических слов, способность „есть пищу существ иного мира“, и т. д. и т. п., т. е. все „свойства духов, и этим заслуживает их доверие“. „Ледяная дорога“ (т. е. безжизненная), которая, по шаманским представлениям энецов, лежит между „иным миром“ и нашей землей, является границей между миром живых и „миром мертвых“. Пройдя эту дорогу, шаман попадал в землю, „где мертвые разъезжают в медных челноках“.

Высказываемое нами предположение об истинном значении закрытия лица шамана лицом духа-хозяина посоха требует, несомненно, дальнейших исследований, чтобы быть подтвержденным. Чрезвычайная бедность и отрывочность материала по энецкому и ненецкому шаманствам не дает возможности этого сделать.

Энецкий посох играл роль, схожую с ролью посоха селькупского шамана. По шаманским представлениям селькупов, шаманский посох являлся в основном „деревом жизни“ шамана, но в то же время он играл роль подлинного посоха, якобы помогавшего шаману во время „опасного пути в иной мир, мир предков“. В селькупском шаманском представлении нет ледяной дороги, и посох будто бы служит шаману при „переходе через горы, ущелья, являющиеся границей между миром живых и миром предков“.

Во время камлания шаман в нужную минуту откладывал бубен на очаговые жерди или передавал помощнику, который в это время бил в него, а сам шаман, вставая, брал посох и скакал вокруг костра. Это обстоятельство указывает на самостоятельное значение посоха, который на некоторое время заменял шаману бубен как равнозначный атрибут. Как уже упомянуто, нижний конец посоха имеет вид копыта, т. е. имеет следы зооморфного образа посоха, посоха-животного, может быть, посоха-оленья. В других случаях, когда шаман проделывал какие-либо манипуляции с другими шаманскими предметами (рыбы, лоскутки лобиче и т. п.), его помощник всегда бил в бубен, т. е. бубен не переставал участвовать в процессе камлания, не заменялся предметом, находящимся в руках шамана. Нам представляется совершенно необходимым изучение в шаманстве самоедских групп (ненцев, энцев, селькупов) этих наиболее сложных и наиболее значимых атрибутов: посоха и бубна. Установление и уяснение их значения может раскрыть перед нами картину различных ступеней в развитии самоедских шаманских представлений и картину связей самоедского шаманства с шаманством других народов Сибири.

* * *

В корне изменились за время советской власти хозяйство и быт тундры, жизнь ненцев, энцев и других народностей, населяющих наш Крайний Север, о которых здесь шла речь.

В тундровых колхозах дружно, плечом к плечу, работают энцы, ненцы, иганасаны. Быстро идет процесс консолидации мелких групп самоедских народностей, а также рост их национальной по форме и социалистической по содержанию культуры.

В далекое прошлое уходят шаманство и все связанные с ним обряды, вера в духов и т. п.

Однако изучение шаманства народностей Сибири, этого родимого пятна уходящего прошлого, должно производиться и в дальнейшем.

В нашей статье мы вскользь коснулись вопросов шаманства и дали только краткое описание энецкого костюма женщины-шаманки.

Дальнейшее изучение шаманства должно не только дать ценные сведения для истории развития религии, но и вооружить материалом для более успешной борьбы с религиозными предрассудками, еще кое-где сохранившимися в среде энцев и других самоедских групп, и тем самым способствовать ускорению процесса их культурного роста.